

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИЗНАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ИСТОЧНИКОМ ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ

ON THE POSSIBILITY OF RECOGNIZING ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A SOURCE OF INCREASED DANGER

A. Muratshin

Summary. This article examines the possibility of recognizing artificial intelligence as a source of increased danger, defines general directions for the development of legislation, in particular, notes the need to work out issues of liability, the presence of mandatory liability insurance, due to the introduction of AI technologies. The work analyzes the current Russian legislation, as well as the approaches reflected in the doctrine on the issue of causing harm by a source of increased danger. The author concludes that it is possible to classify artificial intelligence technology as a source of increased danger. The article also notes the need to revise the existing approach to determining the figure of a responsible person in relation to harm caused by artificial intelligence.

Keywords: artificial intelligence, technology, source of increased danger, legal liability, causing harm.

Муратшин Аделъ Ильшатович

Аспирант, Казанский (Приволжский)
федеральный университет
adelmuratsin@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье рассматривается вопрос о возможности признания искусственного интеллекта источником повышенной опасности, определяются общие направления развития законодательства, в частности, отмечается необходимость проработки вопросов привлечения к ответственности, наличия обязательного страхования ответственности, ввиду внедрения технологий ИИ. В работе анализируются действующее российское законодательство, а также нашедшие отражение в доктрине подходы по вопросу причинения вреда источником повышенной опасности. Автором делается вывод о возможности отнесения технологий искусственного интеллекта к источникам повышенной опасности. Также в статье отмечается необходимость пересмотра имеющегося подхода к определению фигуры ответственного лица применительно к причинению вреда искусственным интеллектом.

Ключевые слова: искусственный интеллект, технологии, источник повышенной опасности, юридическая ответственность, причинение вреда.

На вопросы правового регулирования систем искусственного интеллекта (далее — «ИИ») обращено внимание многих ученых, так или иначе освещающих отдельные аспекты данной проблемы. При этом очевидно, что стремительное развитие систем ИИ имеет как свои плюсы, так и минусы с точки зрения возможных рисков при внедрении указанных технологий во многие сферы деятельности человека. Стоит отметить, что бурное обсуждение в литературе, в частности приобрела проблема ответственности в случае причинения вреда ИИ, определения ответственных в таком случае лиц, и возможность привлечения их к ответственности в рамках положений ст. 1079 ГК РФ, то есть допустимость рассмотрения ИИ в качестве источника повышенной опасности (далее — «ИПО»).

Правовое регулирование причинения вреда источником повышенной опасности устанавливается ст. 1079 ГК РФ. Согласно указанной статье «юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (использование транспортных средств, механизмов, электрической энергии высокого напряжения, атомной энергии, взрывчатых веществ, сильнодействующих ядов и т.п.; осуществление строительной и иной, связанной с нею деятельности и др.), обязаны возместить вред, причиненный источни-

ком повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего» [1].

Как видно из содержания самой статьи, ею не закрепляется четкая законодательная дефиниция понятия источника повышенной опасности, однако вышеуказанная норма содержит два ключевых понятия, а именно «деятельность, связанная с повышенной опасностью для окружающих» и «источник повышенной опасности». В первом случае речь идет о деятельности по эксплуатации объектов, представляющих повышенную опасность ввиду наличия высокой степени вероятности причинения вреда третьим лицам, так как указанные объекты не поддаются полному и всеобъемлющему контролю со стороны лиц их использующих. Во втором же случае имеются в виду сами объекты, которые в связи с присутствием им определенными качествами (свойствами) могут представлять опасность для окружающих лиц. Как в первом, так и во втором случае перечень самих объектов и деятельности по их использованию не является исчерпывающим.

В отсутствие законодательно установленной дефиниции понятия ИПО, но существующей необходимости его наличия для единообразия судебной практики, ука-

занное понятие нашло свое отражение в действующем Пленуме Верховного Суда РФ от 26.01.2010 г. N 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина». Так согласно абз. 2 п. 18 Пленума «источником повышенной опасности следует признать любую деятельность, осуществление которой создает повышенную вероятность причинения вреда из-за невозможности полного контроля за ней со стороны человека, а также деятельность по использованию, транспортировке, хранению предметов, веществ и других объектов производственного, хозяйственного или иного назначения, обладающих такими же свойствами» [2].

Отметим также и то, что и доктрина не имеет единого подхода относительно вопроса о понятии ИПО, дискуссионность данной проблемы имеет место еще с советского периода существования нашего права [3, с. 290–317]. Не будем углубляться в дискуссию о понятии источника повышенной опасности и обоснованности или же обоснованности тех или иных подходов, просто обозначим, что в научной литературе имеют место различные подходы, но в качестве основных выделяются два следующих, а именно: 1) рассмотрение в качестве ИПО конкретного объекта [3, 4]; 2) рассмотрение в качестве ИПО деятельности по использованию указанного объекта [5, 6].

В отсутствии четкой дефиниции и четкого перечня ИПО, вопрос об отнесении к ИПО решается судом непосредственно при рассмотрении того или иного дела с учетом «особых свойств предметов, веществ и иных объектов» (абз. 3 п. 18 Пленума) на основании следующих критериев: — во-первых, такого критерия как повышенная вероятность причинения вреда; — во-вторых, критерия невозможности полного и всеобъемлющего контроля ИПО при его использовании. При этом отсутствие в законодательстве указанного перечня имеет и свои плюсы, так как непрерывный технический прогресс время от времени может ставить вопрос о необходимости рассмотрения в качестве ИПО новых, только созданных объектов, а также возможность отнесения к таковым уже существующих. В свою очередь возможный в таком случае вопрос о необходимости включения в такой закрытый (исчерпывающий) перечень новых объектов и его решение было бы, конечно, возможным, но весьма затруднительным. Таким образом, данный подход предоставляет именно суду решать вопрос о необходимости отнесения к ИПО «новых явлений» (например, программы для ЭВМ или искусственный интеллект), которые не являются вещами, однако могут вести к причинению вреда вследствие невозможности полного контроля над ними» [7, с. 569].

С учетом того, что на сегодняшний день отсутствует как прямое указание на то в законе, так и хоть какая-

либо, нашедшая отражение в решениях судов практика по отнесению к источникам повышенной опасности искусственного интеллекта или хотя бы близких ему по назначению ЭВМ, вопрос о том, следует ли относить указанные системы к таковым все еще является открытым. В научной литературе находят отражение различные подходы относительно вопроса о возможности признания искусственного интеллекта источником повышенной опасности, начиная от позиций, выражающих необходимость признания ИИ таковым [8], заканчивая мнениями, полностью отрицающими такую возможность, ввиду отсутствия его материального воплощения [9].

Среди отличительных признаков ИИ, выделяющих его среди остальных объектов гражданского права, выступает его автономность. В отличие от других программ, разработанных человеком, ИИ способен решать поставленную перед ним задачу, вырабатывая при этом новое решение, а не только действовать по изначально заложенному алгоритму. В связи с этим возникает вопрос о возможности его полного и бескомпромиссного контроля. Так, например, имеется мнение, что одной из основных проблем ИИ является «отсутствие возможности выявления алгоритма принятия конкретного решения. Известная технология «глубокого изучения» основывается на том, что робот пытается выполнить поставленную задачу путем подбора подходящего алгоритма, причем количество попыток может превосходить сотни тысяч. Однако избранную им стратегию зачастую не могут объяснить даже разработчики машины, потому что в конечном счете она не основана на человеческой логике» [10]. Таким образом, при наличии у указанных систем высокой автономности невозможно говорить о полном контроле над их действиями. Ввиду чего имеет место повышенная потенциальная возможность причинения вреда третьим лицам.

Важно при всем вышесказанном сразу обозначить и то, что не каждый ИИ на наш взгляд представляет потенциальную опасность, и соответственно должен быть признан ИПО. Как, например, не является источником повышенной опасности правильно припаркованный автомобиль с заглушенным двигателем или собака особой миниатюрной породы, так не должны вообще рассматриваться в качестве ИПО отдельные системы ИИ, не представляющие собой какой-либо повышенной опасности, в числе которых можно выделить голосовые помощники, поисковые системы, чат-боты, различные фото и видеоредакторы и др. И даже если представить, что указанными системами и будет нанесен вред, то он должен возмещаться на общих основаниях (ст. 1064 ГК РФ). Именно указанный порядок, по нашему мнению, является предпочтительным, поскольку причисление указанных систем ИИ к ИПО представляется неоправданным, так как иначе будет иметь место возложение повышенного бремени ответственности за причинение

вреда объектами, которые фактически угрозы повышенной опасности для здоровья и жизни граждан не представляют.

Возвращаясь к ранее обозначенной позиции, отрицающей возможность признания ИИ в качестве ИПО ввиду отсутствия его материального воплощения, отметим, что на наш взгляд данная точка зрения не совсем верна, так как в большинстве случаев сама технология ИИ имеет то или иное воплощение в конкретном предмете материального мира (будь то робот или автомобиль с автопилотом), при этом предмет материального мира может как самостоятельно быть признан источником повышенной опасности, так и иметь повышенную опасность ввиду наличия управляющей им системы. Тем самым происходит сращивание технологии ИИ, являющейся отдельным объектом, и той или иной вещи, которая также выступает в качестве отдельного объекта, с одновременным смешением присущих им качеств (свойств). Не противоречит это и используемому в Пленуме «деятельностному подходу», благодаря которому у суда отсутствуют ограничения в признании ИПО технологий ИИ, не являющихся в свою очередь вещами.

Таким образом, ИИ можно признать ИПО, но с некоторыми оговорками, например, с учетом задействования ИИ в определенной деятельности, ведь для указанного объекта гражданского права, наверное, даже более чем обычно для других важно именно то, для чего он используется. Сам по себе он не обладает вредными или опасными свойствами, как например, химикаты, различные кислоты или иные опасные для человека в обычной своей форме вещества. Он как, например, и автомобиль должен признаваться ИПО только в случае его использования (эксплуатации) (абз. 4 п. 18 Пленума), однако еще одним важным условием является и то, для чего он используется, то есть опять же вопрос об отнесении того или иного ИИ к ИПО должен решаться исходя из наличия реальной опасности повышенного причинения таким ИИ вреда с учетом сферы его применения.

Однако в ходе анализа имеющейся по данному вопросу литературы находятся и иные мнения. Так, например, в работе Ю.С. Балалаевой выдвигается предложение по закреплению презумпции опасности ИИ. Автор отмечает, что «опасность использования технологий искусственного интеллекта предполагается, пока не доказано обратное ... технологии искусственного интеллекта рассматриваются как потенциально опасные, пока лица, заинтересованные в их развитии и использовании, не докажут их безопасность...» [11].

Как в самом выводе, так и в целом по тексту обозначенной работы автором не делается хоть какая-то оговорка на те системы ИИ, которые не должны рассматриваться в качестве ИПО, таким образом, складывается мнение,

что Ю.С. Балалаева относит к ИПО любую программу, так или иначе обладающую зачатками искусственного разума. К тому же автором не раскрывается сама процедура доказывания безопасности ИИ. Позволим себе не согласиться с мнением, указанным выше, так как считаем, что данные превентивные меры сильно усложнят развитие технологий ИИ. На наш взгляд, при решении вопроса о необходимости закрепления любой нормы, устанавливающей серьезные ограничения в отношении такой перспективной технологии как ИИ в любом случае следует руководствоваться принципом соразмерности при учете как потенциального риска, так и применяемых для его уменьшения мер. Поэтому закрепление презумпции опасности как минимум является неоправданным. Единственное с чем мы можем согласиться так это с необходимостью детальной регламентации вопросов минимизации вреда, а также проработки вопроса ответственности за причинение такими технологиями вреда в частности, так и развития законодательства, регулирующего использование ИИ в целом.

В связи с вышесказанным не менее интересным представляется вопрос об определении ответственного за причинение вреда искусственным интеллектом лица, который в последнее время приобретает все большее обсуждение в кругах ученых-цивилистов. Определяя фигуру ответственного лица, обычно отмечают возможность возложения ответственности на: 1) разработчика (производителя) систем ИИ; 2) правообладателя систем ИИ; 3) пользователя систем ИИ; 4) оператора систем ИИ; 5) а также третьих лиц, в случае неправомерного завладения данными технологиями. Таким образом, стоит заметить, что сама фигура ответственного лица предстает весьма неоднозначной ввиду того, что на разном этапе каждый из указанных субъектов может оказать значительное влияние на их функционирование.

В свою очередь при причинении вреда ИПО, ответственным лицом всегда (за исключением случаев неправомерного завладения указанным объектом) является «владелец». Однако возникает вопрос возможности применения института владения к ИИ, в традиционном смысле вещью не являющегося. И даже если опустить вопрос о применении терминологии вещного права, обнаруживается, что владельцем ИИ зачастую может выступать лицо, фактически являющееся лишь пользователем ИИ, в то время как стабильность их работы, правильность выполнения ИИ той или иной задачи изначально строится на заложенном в их основу еще при создании алгоритме. Тем самым стоит согласиться, что «уровень безопасности их функционирования в гораздо большей мере зависит от действий разработчиков указанных систем» [12] нежели от других лиц их использующих. Исходя из этого, кажется, что именно разработчик является тем самым ответственным лицом. Это лишний раз подчеркивается и тем, что именно он осуществляет как

изначальную наладку, так и последующую техническую поддержку систем ИИ, которая и предполагает минимизацию рисков и принятие мер по стабилизации их работы. Из этого мы приходим к выводу о неприемлемости применения категории «владелец» при определении ответственного за причинение вреда искусственным интеллектом лица, в случае признания данной технологии источником повышенной опасности. Ввиду вышесказанного, на наш взгляд, при причинении вреда искусственным интеллектом, признанным источником повышенной опасности, ответственным лицом должен и может выступать только разработчик (производитель) системы ИИ.

В то же время иначе может решаться вопрос об ответственном лице, в случае причинения вреда объектом, который хоть и наделен ИИ (признанным ИПО), но и при его отсутствии мог бы самостоятельно быть признан ИПО. Таким образом, возникает вопрос о том, кого следует признать ответственным в рамках ст. 1079 ГК РФ за вред, причиненный, например, транспортным средством, управляемым ИИ. Двумя самыми явными фигурами выступают владелец транспортного средства и разработчик (производитель) ИИ. При этом представляется возможным как возложение ответственности на каждого из указанных лиц с учетом того обстоятельства, что вред наступил в связи с конкретными действиями водителя (владельца) транспортного средства или системы ИИ, так и привлечение к солидарной ответственности, когда наступивший вред является следствием их совместных действий.

Стоит отметить, что имеющаяся на сегодняшний день практика указывает на виновность именно самого владельца транспортного средства. Так, например, в одном из дел, рассмотренных судом Калифорнии, был подан иск к компании Tesla, в котором истцы утверждали, что наступивший вред стал следствием неисправного программного обеспечения автомобиля [13]. Однако суд присяжных пришел к иному выводу. По мнению суда вред был нанесен не по вине программного обеспечения, а стал следствием невнимательности самого водителя (владельца автомобиля). Судом было отмечено, что программное обеспечение компании требует от водителей оставаться вовлеченными и быть в любой момент времени готовыми взять полное управление на себя.

В свою очередь во многих странах уже существуют положения или находятся в разработке проекты, рассматривающие вопросы ответственности за вред, причиненный транспортным средством, находящимся под полным контролем системы ИИ, притом в качестве ответственного лица рассматривается именно разработчик (производитель) ИИ [14, 15]. Во многих из данных документов отмечается то, что чем выше степень автономности самой системы, тем меньше ответственность

водителя (владельца) транспортного средства и тем самым больше ответственность производителя.

Таким образом, пока такая система требует непосредственного наличия самого водителя и его участия, выражающегося в непрерывном наблюдении за ее действием, то невозможно говорить о возложении ответственности на разработчика (производителя), если только в тех случаях, когда причинение вреда связано с технической неисправностью самой системы. В случае же полной автономности системы данный вопрос будет решаться не в пользу производителя. Указанное может быть также применимо по аналогии к иным объектам, управляемым ИИ.

Помимо сказанного стоит отметить, что в случае отнесения искусственного интеллекта к источникам повышенной опасности, необходимым является решение вытекающих из такого признания вопросов, направленных на защиту прав третьих лиц. В свою очередь должен быть достигнут баланс между защитой прав потерпевшего и сохранением интереса к развитию и внедрению указанных технологий. Решением сего может стать обязательное страхование ответственности разработчиков (производителей) потенциально опасных систем искусственного интеллекта за причинение ими вреда третьим лицам, которое может быть реализовано по аналогии с обязательным страхованием ответственности владельцев транспортных средств и иных источников повышенной опасности. Однако возможность введения страхования ответственности на наш взгляд находится в прямой зависимости от наличия учета таких технологий. В силу чего первостепенным представляется введение обязательного учета таких систем, которая может быть реализована путем обязательной регистрации систем ИИ, представляющих потенциальную повышенную опасность для окружающих исходя из сферы их применения. Таким образом, при регистрации будет фиксироваться разработчик (производитель) данного ИИ, возможная сфера (область) применения ИИ (например, использование в промышленном производстве, медицинской диагностике и т.д.), а также его отличительные особенности (свойства).

Суммируя все вышесказанное можно прийти к выводу, что возможность признания искусственного интеллекта источником повышенной опасности напрямую зависит от того насколько высока подконтрольность данных систем, что в свою очередь находится в прямой зависимости от степени автономности технологии. В целом с учетом имеющегося в законодательстве правового регулирования, а также присущих настоящим технологиям свойств представляется возможным отнесение указанных систем к источникам повышенной опасности. При этом является необходимым учет того, что вопрос об отнесении того или иного искусственного интеллекта

к источнику повышенной опасности должен решаться индивидуально для каждого конкретного случая, исходя из степени риска причинения вреда, а также с учетом сферы применения той или иной системы. От этого как раз и должно зависеть то, какая ответственность будет применяться к причинителю вреда (имеется в виду правила виновной (ст. 1064 ГК РФ) или безвиновной ответственности (ст. 1079 ГК РФ).

Помимо указанного представляется необходимым применительно к искусственному интеллекту пересмотреть имеющийся подход к определению фигуры ответственного лица, которым на наш взгляд должен выступать разработчик (производитель) системы искусственного интеллекта. В свою очередь, ключевым моментом для обеспечения восстановления нарушенных прав потерпевших должно стать страхование ответственности данного лица.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 29.01.1996. — № 5. — ст. 410. // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 25.04.2025).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 N 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 25.04.2025).
3. Категории науки гражданского права: избранные труды: в 2 т. / О.А. Красавчиков. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва: Статут, 2023. 494 с.
4. Мальцман Т.Б. Ответственность и вред, причиненный источником повышенной опасности: Диссертация кандидата юридических наук / Т.Б. Мальцман. Москва, 1948, 239 с.
5. Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. ЛГУ, 1956, с. 186
6. Агарков М.М. Возникновение обязательств из причинения вреда / М.М. Агарков // Гражданское право / Под редакцией М.М. Агаркова, Д.М. Генкина. Москва: Юридическое изд-во НКЮ СССР, 1944. Т. 1. 419 с.
7. Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. д-р юрид. наук., проф. Е.А. Суханов. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Статут, 2023, 606 с.
8. Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-iskusstvennogo-intellekta-i-yuridicheskaya-otvetstvennost-za-ego-rabotu> (дата обращения: 25.04.2025).
9. Ирискина Е.Н., Беляков К.О. Правовые аспекты гражданско-правовой ответственности за причинение вреда действиями Робота как квазисубъекта гражданско-правовых отношений // Гуманитарная информатика. 2016. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-aspekty-grazhdansko-pravovoy-otvetstvennosti-za-prichinenie-vreda-deystviyami-robota-kak-kvazisubekta-grazhdansko-pravovyh> (дата обращения: 25.04.2025).
10. Ястребов Олег Александрович. Искусственный интеллект в правовом пространстве // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-pravovom-prostranstve> (дата обращения: 25.04.2025).
11. Балалаева Юлия Сергеевна. К вопросу о презумпции опасности искусственного интеллекта // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. №2 (58). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-prezumpcii-opasnosti-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 25.04.2025).
12. Ижаев Осман Аликович. Системы искусственного интеллекта и внедоговорная гражданско-правовая ответственность: риск-ориентированный подход // Lex Russica. 2024. №6 (211). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemy-iskusstvennogo-intellekta-i-vnedogovornaya-grazhdansko-pravovaya-otvetstvennost-risk-orientirovannyi-podhod> (дата обращения: 25.04.2025).
13. Tesla Wins Suit That Blamed Its Software for Deadly Crash // Электронный пецыс. URL: <https://www.nytimes.com/2023/10/31/business/tesla-autopilot-jury-decision.html> (дата обращения: 25.04.2025).
14. Self-driving revolution to boost economy and improve road safety // Электронный пецыс. URL: <https://www.gov.uk/government/news/self-driving-revolution-to-boost-economy-and-improve-road-safety> (дата обращения: 25.04.2025).
15. Who is to blame if a self-driving car crashes? // Электронный пецыс. URL: <https://www.weforum.org/stories/2022/08/who-is-to-blame-if-a-self-driving-car-crashes/> (дата обращения: 25.04.2025).

© Муратшин Аделъ Ильшатович (adelmuratsin@gmail.com)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»